

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-142-155

УДК 81.432.1-006

ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ МАСКИ АВТОРА В ПРОСТРАНСТВЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Е.И. Винник

Цель. Установить возможные способы передачи в письменную речь женской идентичности посредством гендерной маски.

Материалы и методы. В исследовании применяются: дефиниционный анализ гендерных тенденций, контекстологическое наблюдение речевого материала художественного произведения, интерпретирование и систематизация языковых фактов, статистическая обработка данных.

Результаты. Подтверждена гипотеза возможного воплощения авторской идентичности при помощи гендерной маски в художественный текст посредством анализа глагольного семантического пространства романа М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» (около 2700 манифестаций).

Область применения результатов. Исследовательские результаты могут найти применение в системном изучении употребления глагола и глагольных форм в текстуальном пространстве как средства реализации гендерного аспекта.

Ключевые слова: гендер; гендерный дисплей; гендерлект; фемининность; маскулинность; глагол; речевая маска; эпистолярный; маскарад идентичностей

Для цитирования. Винник Е.И. Воплощение гендерной маски автора в пространстве американской женской прозы // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 142-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-142-155

MANIFESTATION OF AUTHOR'S GENDER MASK WITHIN THE SCOPE OF AMERICAN FEMALE PROSE

E.I. Vinnik

Purpose. The study is aimed to ascertain the possible ways of translation of female identity in written form through gender mask.

Materials and methods. *The survey is based on: the definitional analysis of gender tendencies, contextual observation of speech material of the fictional work, as well as linguistic facts interpretation and collation, statistical data manipulation.*

Results. *The hypothesis of potential epitome of the author's identity via gender mask in the literary text through the verbal semantic space's analysis of the novel *The Guernsey literary and potato peel pie society* by M.A. Shaffer and A. Barrows (2700 manifestations) is justified.*

Practical implications. *The research outcome can find the application in systematic scrutiny of the verb/verbals usage in the textual space as a means of gender aspect implementation.*

Keywords: *gender; gender display; genderlect; femininity; masculinity; verb; speech mask; epistolary genre; masquerade of identities*

For citation. *Vinnik E.I. Manifestation of Author's Gender Mask Within the Scope of American Female Prose. *Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 142-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-142-155*

Введение

В духовном опыте культурного развития человеческого бытия существуют проблемы особой значимости в силу тесного соприкосновения в практике жизнедеятельности общества. Одной из первостепенных является проблема пола. Н.А. Бердяев отмечал, что пол относится к целому человека, проецируется во всем телесном и духовном его существе [3, с. 181]. В силу своей сути пол, имея интегративную природу, в качестве многомерного естественно-природного, социокультурного и трансцендентального феномена, вызывает всеобщий исследовательский интерес у многих отраслей научного знания, в том числе у лингвистики.

Половая принадлежность индивида долгое время считалась однозначной. Биологические факторы определяли половую идентичность, в действительности, анатомия человека считалась его судьбой [9]. В середине XX в. возникла необходимость разграничить биологическое и социальное в вопросах пола в связи с развертыванием

исследований в изучении проблем транссексуализма. Вследствие возникшего требования появилась дефиниция «гендер» первоначально в работах Дж. Мани, выдающегося сексолога (1955), а позднее в работах американского психоаналитика Р. Столлера (1963). Английское слово “gender” уходит корнями в латинское “genus”, которое в переводе на русский язык означает «род». Р. Столлер обозначил собственную концепцию разделения пола/ гендера как биологического/ культурного. Пол он отнес к биологии, имея ввиду гормональную и нервную системы, генный статус человека, а гендер приписал к культуре – философии, социологии, психологии. В этих областях человеческих знаний термин «гендер» употребляется в широком смысле, подразумевающим поведенческие и психологические особенности мужчин/женщин, их половые свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью/фемининностью. Интересна мысль американского антрополога К. Марч в отношении обозначенной образной параллели понятий «пол/ свет», «гендер/ цвет»: пол и свет являются физическими явлениями, и поэтому возможно их объективное измерение. Поскольку в узком смысле гендер обозначает социальный пол, социально сконструированные роли мужчин /женщин, не зависящие от их биологических различий, гендер и цвет – культурно обусловленные категории, благодаря которым социум группирует определенные свойства и придает им символическое значение [5, с. 17].

Со временем лингвистические исследования гендера создали фундамент для формирования самостоятельной ветви современного языкознания – лингвистической гендерологии/ гендерной лингвистики, основоположниками которой на постсоветском пространстве стали известные ученые А.В. Кирилина, М.В. Томская, Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, И.И. Халева.

Начальный период гендерных исследований в целом и гендерной лингвистики в частности был ознаменован созданием дуальных моделей гендера – описанием, объяснением, сравнением психологических, социальных, культурных аспектов женского/ мужского как типичных для формирования норм, стереотипов, ролей. В 1922 г. датский лингвист О. Есперсен, рассматривая проблему гендерных

стилей в языке, посвятил главу своего исследования «Язык, его природа, развитие и происхождение» изучению различий в речевом поведении женщин/ мужчин и признал их существование [10, р. 253]. Параллельно возникали познавательные установки, связанные с постструктуралистскими и постмодернистскими теориями, создавшие условия для рождения концепции гендеризма И. Гоффмана, американского социального теоретика. По И. Гоффману, биологический пол лишь предпосылка для социального разделения общества на два полюса мужское/ женское и определения соответствующих норм жизнедеятельности. Для описания социальных аспектов пола ученый ввел термин «гендерный дисплей», к которому отнес составляющие пола – полоролевые нормы, гендерные стереотипы, полоролевую идентичность. Основными рычагами гендеризма – системы социальной значимости пола – И. Гоффман назвал институционализацию и ритуализацию пола, при содействии которых половая адаптация личности в обществе происходит через социальные институты семьи, школы, рынка труда, религии, средств массовой информации, политики. Благодаря им гендер развивает и устанавливает точные признаки мужского и женского, а в контексте феноменологического дискурса «мужчина/ женщина» гендерно-ролевые аттестации культуры.

Исходя из приоритета языковой системы в возможности познания реальности, представлений человека о мире, все направления постмодернизма доказывают зависимость сознания индивида от стереотипов своего языка, зафиксированных в нем особенностей речевого поведения мужчин и женщин. Предполагается, что текст отождествлен с сознанием индивидуума. Российский филолог, культуролог, литературовед И.П. Ильин в своей работе «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» (1996) указывает человека как субъекта, растворяющегося в текстах-сознаниях, которые составляют интертекст культурной традиции [6, с. 225]. Изучение маскулинной и фемининной коммуникации обусловили появление понятия «гендерлект» как существующего социального феномена в силу обладания мужчинами/ женщинами отличающимися наборами норм речевого взаимодействия, что позволяет утверждать наличие маскулинной и феминной речи. Большинство исследований о речевом поведении мужчин и женщин

основаны на семи отличительных признаках женского языка, предложенных Р. Лакофф, и «теории двух культур» Д.Ф. Таннен. В последние годы ученые подвергают сомнению константные признаки гендерлекта, поскольку в начале XXI в. в западной науке утверждается отрицание бинарной модели гендера и признается его множественность и текучесть. Лингвисты придерживаются вывода о том, что необходимо изучать речь женщин и мужчин в конкретном контексте.

Материалы и методы исследования

Художественным материалом данной статьи послужил исторический роман «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» американских писательниц М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз, опубликованный в 2008 г. Роман получил заслуженное признание читателей. В 2018 г. вышла экранизация этого произведения с участием Л. Джеймс в роли Дж. Эштон. Книга написана в эпистолярном жанре, повествование изложено в виде писем-рассказов в переписке разных людей. Выбор эпистолярного жанра женщинами-авторами можно считать прекрасной находкой писательниц, т.к. письмо вызывает доверие в силу своей подлинности. Кроме того, эпистолярный – наиболее подходящий ракурс для раскрытия характеров героев, рассмотрения одного и того же события с различных точек зрения, моделирования автором в повествовании социокультурных ролей. Исторически роман охватывает годы Второй мировой войны, оккупацию и послевоенное время на нормандском острове Гернси вблизи Франции и представляет собой сборник рассказов жителей острова.

В своей работе «Части речи с когнитивной точки зрения» российский лингвист Е.С. Кубрякова выдвинула идею рассмотрения частей речи как когнитивных категорий. В частности, при определении когнитивного статуса глагола автор выделила следующие существенные признаки: хромотопность, моторность, реляционность, которые, по ее мнению, позволяют говорящему совмещать концепты времени и пространства, устанавливая связи между окружающими событиями, как процессами, отношениями, состояниями [7, с. 286]. Эту мысль развил лингвист М.В. Панов, подчеркивая, что язык активно преобразует мир, а глагол превращает мир в движение [8, с. 131].

Корпус эго-текстов в виде писем раскрывает авторское «Я», выступающее генерирующим центром переживаний и действий через воплощение социальной идентичности как результат отождествления себя с ожиданиями и нормами социальной среды. Таким образом, создается пресуппозиция для адекватного восприятия писем читателем.

На примере названного романа рассмотрим «примерку» гендерных ролей, основанных на представлениях о стереотипности мужского/ женского речевого поведения, речевую авторскую маску через призму глагольных манифестаций, моделирование образов своих героев в маске авторов как способ речевого высказывания, выражающего сложившиеся стереотипы маскулинной/ фемининной речи и речевой гендерной пермутации и конвергенции.

Дефиниция «речевая (языковая) маска» – распространенный термин в литературоведении. Проблемы речевой маски одним из первых коснулся В.В. Виноградов в работе «О теории художественной речи», в которой ученый отмечал право автора текста на композиционно-речевое перевоплощение (в героя, повествователя или рассказчиков, персонажей) и видоизменение действительности в рамках литературного маскарада, а также на смену стилистических приемов, коммуникативных стратегий – «образно-характеристических ликов» [4, с. 151]. Речевая маска, таким образом, трактуется как сознательное использование чужого речевого образа/ поведения в соответствии со стереотипным представлением о типичном исполнении гендерной роли.

Авторы-женщины прячутся за голосами персонажей в женских и мужских масках, обнаруживая диглоссию – навык владения коммуникативными подсистемами, в частности, гендерно-определенным стилем общения. В романе, в силу своеобразия выбранного жанра, отсутствует голос автора. В переписке участвует 21 персонаж мужского и женского полов, разных возрастов и социальных статусов. В канве романа присутствуют и герои, чьи имена только упоминаются, но при этом играют немаловажную роль в сюжете для гендерного анализа текста: Элизабет Маккена, Софи Стрейкен, Кит Маккена и Кристиан Хеллман. Они самостоятельно не вступают в переписку, но об их личностях можно судить по описаниям друзей, родственников и знакомых. Следовательно, в книге представлены 25 персонажей, из них

11 мужских и 14 женских. В романе женские персонажи доминируют не только по численности, но и по объему отведенного им нарратива.

Результаты исследования

Таблица 1.

Классификация основных парадигматико-семантических признаков глагола в романе «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз

Класс	Подкласс	Количество манифестаций									
		Гендерная маска автора									
		Juliet Ashton	Isola Pribby	Susan Scott	Amelia Maugery	Miss Adelaide Addison	Dawsey Adams	Sidney Stark	Markham Reynolds	Eben Ramsey	John Booker
Динамические глаголы	Глаголы движения	105	96	10	8	7	76	32	13	6	5
	Глаголы совершения действия, поступка или воздействия	117	35	4	18	4	56	29	15	4	2
	Глаголы созидания или придания нового качества	16	18	0	1	1	4	3	3	0	2
	Глаголы приобретения	21	26	1	2	4	12	8	5	1	1
	Глаголы мгновенного действия	9	5	0	5	2	12	3	1	2	1
	Глаголы речи	124	87	3	30	18	43	21	15	6	8
	Глаголы звучания	10	4	0	4	6	8	3	1	1	0
	Глаголы эмоциональной реакции	141	57	2	23	15	24	7	2	1	2
	Глаголы «самостийные», обозначающие непроизвольные процессы, исключающие волю или усилие субъекта	7	3	0	1	2	2	3	0	0	0
Безличные глаголы	7	4	0	3	0	2	1	0	0	0	
Статальные глаголы	Глаголы восприятия и осмысления	294	91	7	16	7	82	19	10	6	5
	Концептуально-дивергентные глаголы	2	4	0	2	2	1	2	1	0	0
	Глаголы ощущения и восприятия телом	112	57	1	1	2	34	5	1	0	0
Релятивные глаголы	Глаголы, передающие компаративные двусторонние отношения равенства/неравенства и т.д.	8	5	1	1	1	1	2	0	0	0
	Глаголы, выражающие отношение, включение	11	5	0	2	3	3	1	0	0	1
	Глаголы, передающие оценочные, эмоциональные отношения	52	39	2	3	2	14	8	5	3	2
Модальные, модусные, функторные глаголы	Модальные глаголы, выражающие долженствование, возможности, сомнения	31	25	1	3	4	13	1	1	0	1
	Модусные глаголы запрещения, препятствия	8	6	2	1	1	2	1	1	0	0
	Модусные глаголы интенции	34	25	2	3	5	17	8	4	1	1
	Глаголы, выражающие нереализованность действия или недостаточность	9	1	0	0	3	1	1	3	0	0
Всего:		2 671									

В ходе статистического анализа употреблений глагола и неличных форм глагола в пространстве романа было установлено почти 2 700 прецедентов, охватывающих разного рода семантические классы и подклассы глагола в речи 10 персонажей, которые являются активными участниками переписки. Классификация, представленная в таблице 1, учитывает маскарад идентичностей в ракурсе дуального воплощения «автор/ героиня» и «автор/ герой», репрезентированный основными парадигматико-семантическими признаками глагола в романе.

Обсуждение

Статистический анализ исследуемого материала позволил установить:

- мерцание идентичностей в ракурсе гендерной «примерки» «автор/ герой» и «автор/ героиня» проявляется в частотном употреблении динамических глаголов (422 манифестации в речи героев и 1044 – в речи героинь), при этом преобладают глаголы совершения действия, поступка или воздействия, глаголы речи и эмоциональной реакции. Представленные данные позволяют предположить, что названные подклассы глаголов отчетливо проявляют фемининную проекцию личности авторов в тексте;
- менее употребляемы в тексте романа статальные глаголы (164/ 590) в речи автора/ героя и автора/ героини. Особое место в названном классе занимают глаголы восприятия и осмысления, глаголы ощущения и восприятия телом. Выявленный факт названной преференции свидетельствует:
 - во-первых, об отображении писательницами гендерно-маркированных характеристик женского мироощущения и самоосознания с преобладанием чувственности героини, особенностей ее поведения посредством авторской маски, эксплицитно реализуя женскую когнитивную субсферу;
 - во-вторых, об убедительном изображении героев, их психики и поведения с точки зрения женского восприятия.

Рассмотрим репрезентацию авторской гендерной маскировки через глагольное воплощение в пространстве романа в таблице 2.

Таблица 2.

Репрезентация авторской гендерной маскировки через глагольную семантику в романе «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз

Дуальное воплощение - автор/героиня и автор/герой	Примеры
Джулиет Эштон	<p>From Juliet Ashton to Sidney Stark: As we <u>were walking</u> along the road yesterday, I <u>noticed</u> that it <u>cut</u> very close to the cliffs and there <u>was</u> a trail <u>leading down</u> to the beach below. “Is this where you <u>met</u> Christian Hellman?” I <u>asked</u>. Dawsey <u>looked startled</u> and <u>said</u> yes, this <u>was</u> the spot. “What <u>did</u> he <u>look like</u>?” I <u>asked</u>, for I <u>wanted to picture</u> the scene. I <u>expected</u> it <u>was</u> a futile request, <u>given</u> that men <u>cannot describe</u> each other, but Dawsey <u>knew</u> how. “He <u>looked</u> like the German you <u>imagine</u>—tall, blond hair, blue eyes—except he <u>could feel</u> pain” [11, p. 146].</p>
Сьюзен Скотт	<p>From Susan Scott to Sidney Stark: I <u>sat up</u>, my mouth <u>gaping open</u>. I just <u>looked</u> on helplessly as Juliet <u>attempted to be civil</u>: “I <u>didn’t jilt</u> him at the altar—it <u>was</u> the day before. And he <u>wasn’t humiliated</u>—he <u>was relieved</u>. I simply <u>told</u> him that I <u>didn’t want to be married</u> after all. <u>Believe</u> me, Mr. Gilbert, he <u>left</u> a happy man—<u>delighted to be rid</u> of me. He <u>didn’t slink back</u> to his ship, alone and <u>betrayed</u>—he <u>went straight</u> to the CCB Club and <u>danced</u> all night with Belinda Twining” [11, p. 17].</p>
Исола Прибби	<p>From Isola Pribby to Juliet Ashton: Now that we <u>are corresponding</u> friends, I <u>want to ask</u> you some questions—they <u>are</u> highly personal. Dawsey <u>said</u> it <u>would not be</u> polite, but I <u>say</u> that’s a difference twixt men and women, not polite and rude. Dawsey’s never <u>asked</u> me a personal question in fifteen years. I’d <u>take</u> it kindly if he <u>would</u>, but Dawsey’s <u>got</u> quiet ways. I <u>don’t expect to change</u> him, nor myself either [11, p. 102].</p>
Аделаида Эддисон	<p>From Adelaide Addison to Juliet Ashton: The Society members <u>have colluded</u> amongst themselves <u>to raise</u> the bastard child of Elizabeth McKenna and her German Paramour, Doctor/Captain Christian Hellman. Yes, a German soldier! I <u>don’t wonder</u> at your shock. . . Herewith, the sorry facts: in April of 1942, the <u>UNWED</u> Elizabeth McKenna <u>gave birth</u> to a baby girl—in her own cottage. Eben Ramsey and Isola Pribby <u>were</u> present at the birthing—he <u>to hold</u> the mother’s hand and she <u>to keep</u> the fire <u>going</u>. Amelia Maugery and Dawsey Adams (An <u>unmarried</u> man! For shame!) <u>did</u> the actual work of <u>delivering</u> the child, before Dr. Martin <u>could arrive</u>. The putative father? Absent! In fact, he <u>had left</u> the Island a short time before. “<u>Ordered</u> to duty on the continent”—SO THEY SAID. The case <u>is</u> perfectly clear—when the evidence of their illicit connection <u>was</u> irrefutable, Captain Hellman <u>abandoned</u> his mistress and <u>left</u> her to her just deserts. I <u>could have foretold</u> this scandalous outcome. I <u>saw</u> Elizabeth with her lover on several occasions—<u>walking</u> together, deep in talk, <u>gathering</u> nettles for soup, or <u>collecting</u> firewood. And once, <u>facing</u> each other, I <u>saw</u> him <u>put</u> his hand on her face and <u>follow</u> her cheek-bone down with his thumb. Though I <u>had</u> little hope of success, I <u>knew</u> it <u>was</u> my duty <u>to warn</u> her of the fate that <u>awaited</u> her [11, p. 72-73].</p>

Доуси Адамс	<p>From Dawsey Adams to Juliet Ashton:</p> <p>1. There <u>were</u> few eligible men <u>left</u> in Guernsey and certainly no one exciting. Many of us <u>were</u> <u>tired</u>, scruffy, worried, ragged, shoeless, and dirty—we <u>were</u> <u>defeated</u> and <u>looked</u> it. We <u>didn't have</u> the energy, time, or money <u>left</u> over for fun. Guernsey men <u>had</u> no glamour—and the German soldiers <u>did</u>. They <u>were</u>, according to a friend of mine, tall, blond, handsome, and tanned—like gods. They <u>gave</u> lavish parties, <u>were</u> jolly and zestful company, <u>possessed</u> cars, <u>had</u> money, and <u>could</u> <u>dance</u> all night long [11, p. 83].</p>
Сидни Старк	<p>From Sidney Stark to Juliet Ashton:</p> <p>Now, about Markham V. Reynolds, Junior. I <u>do know</u> who he <u>is</u>, and the Domesday Book <u>won't help</u>— he's an American. He <u>is</u> the son and heir of Markham V. Reynolds, Senior, who <u>used to have</u> a monopoly on paper mills in the States and now just <u>owns</u> most of them. Reynolds, Junior, <u>being</u> of an artistic turn of mind, <u>does not dirty</u> his hands in <u>making</u> paper—he <u>prints</u> on it instead. He's a publisher. The New York Journal, the Word, View—those <u>are</u> all his, and there <u>are</u> several smaller magazines as well. I <u>knew</u> he <u>was</u> in London. Officially, he's here <u>to open</u> the London office of View, but rumor <u>has</u> it that he's <u>decided to begin publishing</u> books, and he's here <u>to beguile</u> England's finest authors with visions of plenty and prosperity in America. I <u>didn't know</u> his technique <u>included</u> roses and camellias, but I'm <u>not surprised</u>. [11, p. 19-20]</p>
Марк Рейнолдс	<p>From Markham Reynolds to Juliet Ashton:</p> <p>God <u>knows</u>, my intentions <u>are</u> pure, or at least, non-mercenary. The simple truth of it <u>is</u> that you're the only female writer who <u>makes</u> me <u>laugh</u>. Your Izzy Bickerstaff columns <u>were</u> the wittiest work <u>to come out</u> of the war, and I <u>want to meet</u> the woman who <u>wrote</u> them. If I <u>swear</u> that I <u>won't kidnap</u> you, <u>will</u> you <u>do</u> me the honor of <u>dining</u> with me next week? You <u>pick</u> the evening—I'm <u>entirely</u> at your disposal [11, p. 31].</p>
Джон Букер	<p>From John Booker to Juliet Ashton:</p> <p>I <u>will tell</u> you how I <u>came to pretend to be</u> my former employer. Lord Tobias <u>wanted to sit out</u> the war in a safe place, so he <u>purchased</u> La Fort manor on Guernsey. He <u>had spent</u> World War I in the Caribbean but <u>had suffered</u> greatly from prickly heat there. In the spring of 1940, he <u>moved to</u> La Fort with most of his possessions, including Lady Tobias. Chausey, his London butler, <u>had locked</u> himself in the pantry and <u>refused to come</u>. So I, his valet, <u>came</u> in Chausey's stead, <u>to supervise</u> the placing of his furniture, the hanging of his draperies, the polishing of his silver, and the stocking of his wine cellar. It <u>was</u> there I <u>bedded</u> each bottle, gentle as a baby to its crib, in its little rack. Just as the last picture <u>was being hung</u> on the wall, the German planes <u>flew over</u> and <u>bombed</u> St. Peter Port. Lord Tobias, <u>panicking</u> at all the racket, <u>called</u> the captain of his yacht and <u>ordered</u> him to “<u>Redd up</u> the ship!” We <u>were to load</u> the boat with his silver, his paintings, his bibelots, and, if enough room, Lady Tobias, and <u>set sail</u> at once for England [11, p. 79].</p>

Заключение

Опираясь на приведенные иллюстративные контексты, подведем итоги:

- автор произведения, следуя закономерностям эпистолярия как субжанра автодокументальной литературы, использует

повествовательную стратегию конструирования системы авторских масок не только для определения своей позиции по отношению к изображаемой жизни, но и, по мысли М.М. Бахтина, создает «образ для другого», оформляет себя «не изнутри, а извне», т.е. играет роль-маску [2, с. 171]. На материале писем как средстве самоописания автор текста репрезентует самого себя не только как человека мыслящего, чувствующего, но и как существа определенного пола (гендерной идентичности), осознающего стереотипность социокультурных определений женственности/ мужественности. При этом автор, документируя себя как свою идентичность, одновременно (ре/ пере/ де)конструирует ее в процессе письма и моделирует перформативную природу динамической автохарактеристики.

- исследуемый текст является ярким примером гендерного ролевого веера в сознании авторов-женщин, подтверждая гипотезу о том, что различные авторские речевые маски позволяют трансформировать себя и реализовать способность повествователя добиваться идентичности разных видов и по-разному идентифицировать свой ближний и дальний контекст. Кроме того, в изучаемом тексте имеет место прием гендерной имитации, подразумевающей подражание мужскому стереотипу речевого поведения рассказчицей/ женщиной как субъектом речи в художественно-образительных целях. В тексте романа женский субтекст как базовый и мужской субтекст как имитируемый заключают в себе гендерные стереотипы, отражающие состояние социума в тот момент времени.

Ориентация лингвистических исследований на проблемы конструирования гендерной идентичности, определения механизмов гендерной самопрезентации и стратегий маскировки гендерной идентичности демонстрирует, что выявление закономерностей речевой деятельности индивида может быть достойным объектом лингвистического анализа.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: РОУ, 1995. 140 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-1960 гг. М.: Русские словари, 1996. 731 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х тт. Т. 1. М.: Искусство; М.: ИЧП «Лига», 1994. С. 180-182.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 287 с.
5. Воронина О. А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общ. редакцией д-ра эконом. наук М. М. Малышевой. М.: Academia, 2002. 520 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
7. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: РАН. Институт языкознания, 1997. 330 с.
8. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Языки русской культуры, 1999. 275 с.
9. Пятницкая О.А., Юров А.К. Сопоставительный анализ понятий гендерной и половой идентичности в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2009. № 2. С. 347-350.
10. Jespersen O. Language, its nature development origin. George Allen & Unwin Ltd. L., 1922, 456 p.
11. Shaffer M.A., Barrows A. The Guernsey literary and potato peel pie society. Bloomsbury, 2009, 256 p.

References

1. Bakhtin M.M. *Chelovek v mire slova* [Man in the word world]. Moscow: ROU Publ., 1995, 140 p.
2. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy* [Selected works]. Vol. 5: Moscow: Russkiye slovari Publ., 1996, 731 p.
3. Berdyayev N.A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. *Filosophiya tvorchestva. kultury i iskusstva* [Philosophy of Creativity, Culture

- and Art], 1994, vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ.; Moscow: IChP “Liga” Publ., 1994, pp. 180-182.
4. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2005, 287 p.
 5. Voronina O. A. *Formirovaniye gendernogo podkhoda v sotsialnykh naukakh* [Formation of a gender approach in social sciences]// *Gendernyy kaleydoskop. Kurs lektsiy. Pod obshch. redaktsiyey d-ra ekonom. nauk M. M. Malyshevoy* [Gender kaleidoscope. Course of lectures. Under general supervision of doctor of economics M.M. Malysheva]. Moscow: Academia Publ., 2002. 520 p.
 6. Ilin I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada Publ., 1996, 256 p.
 7. Kubryakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: RAN. Institut yazykoznaneya, 1997, 330 p.
 8. Panov M.V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow: Nauka. Yazyki russkoy kultury Publ., 1999, 275 p.
 9. Pyatnitskaya O.A. Yurov A.K. *Sopostavitelnyy analiz ponyatiy gendernoy i polovoy identichnosti v zarubezhnoy i otechestvennoy psikhologii* [Comparative analysis of the concepts of gender and gender identity in foreign and domestic psychology]. *Vestnik TGPI* [TSPI Bulletin], 2009, № 2, pp. 347-350.
 10. Jespersen O. *Language, its nature development origin*. George Allen & Unwin Ltd. L., 1922, 456 p.
 11. Shaffer M.A., Barrows A. *The Guernsey literary and potato peel pie society*. Bloomsbury, 2009, 256 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Винник Евгения Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, институт филологии журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344006, Российская Федерация
vinnikevgesh@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya I. Vinnik, Ph. D. in Philology, Associate Professor of English philology department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University
93, Universitetsky Alley, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006, Russian Federation
vinnikevgesh@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9538-6780>

Поступила 19.01.2023

После рецензирования 10.02.2023

Принята 17.02.2023

Received 19.01.2023

Revised 10.02.2023

Accepted 17.02.2023